

Публицистический аспект борьбы с правым уклоном в сатирическом журнале «Крокодил» (1929 г.)

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье изучается взаимодействие партийной власти и публицистики журнала «Крокодил» в борьбе с правым уклоном в партии. Само это взаимодействие показывает, что сталинская идеологическая машина боролась не только с правым уклоном в партии, но и расширительно – со всеми несогласными в советском обществе, со всеми теми, кто не разделял переход от новой экономической политики к военно-коммунистическим методам управления сельским хозяйством, с теми, кто был против развязывания новой гражданской войны. Очерки журнала «Крокодил», выходявшего огромными тиражами, дают репрезентативную картину ментального поворота от толерантности нэпа к нетерпимости новой классовой борьбы для построения социализма.

Ключевые слова: журнал «Крокодил», И.В. Сталин, новая экономическая политика, «правый уклон», Н.И. Бухарин, советская публицистика 20-х годов

Для цитирования: Юрганов А.Л. Публицистический аспект борьбы с правым уклоном в сатирическом журнале «Крокодил» (1929 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 37–48. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-37-48

The publicistic aspect of the struggle against right-wing bias in party politics in the satirical magazine “Crocodile” (1929)

Andrei L. Iurganov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Iurganov@yandex.ru*

Abstract. This article studies the interaction between Party power and the journal Crocodile in the struggle against right-wing bias in the Party. The interaction itself shows that Stalin’s ideological machine was struggling not

only with the right-wing bias in the Party, but also in a broader sense – with all dissenters in Soviet society, with all those who did not share the transition from the new economic policy to military-communist methods of agricultural management, with those who were against the unleashing of a new civil war. The sketches of Crocodile magazine, which came out in huge circulations, provide a representative picture of the mental turn from the tolerance of the New Economic Policy Era to the intolerance of the new class struggle for the construction of socialism.

Keywords: “Crocodile” magazine, Stalin, new economic policy, “right-wing bias”, N.I. Bukharin, Soviet journalism of the 20s.

For citation: Iurganov, A.L. (2022), “Publicistic aspect of the struggle against the right-wing bias in the satirical magazine ‘Crocodile’ (1929)”, *RSUH/RGGU Bulletin*, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series, no. 10, pp. 37–48, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-37-48

Если человек считал неприемлемым сталинскую позицию, выраженную на июльском пленуме ЦК ВКП(б) (1928), о необходимости брать «дань» с крестьян, – он «правый уклонист».

Если человек считал, что категория «дани» есть историческая категория феодализма – он «правый уклонист».

Если человек считал, что «чрезвычайные меры» приводят к упадку сельского хозяйства (деградации) – он «правый уклонист».

Если политика «дани» разрушает «смычку» между пролетариатом и крестьянством – он тоже «правый уклонист»...

Путь изучения советской истории только по решениям партии – путь, лишенный исторического контекста, ибо он открывается лишь в мыслительных мотивах того или иного политического явления как факта взаимодействия власти с массовой аудиторией [Такер 2006]. Какими были основные мотивы в борьбе с «правым уклоном» в сатирическом журнале «Крокодил» в 1929 г.? Ведь надо было рассказать доступно, понятным языком о том, что происходит в партии, в стране, – и не только рассказать в придуманных очерках, но обязательно что-то высмеять, над чем-то поглумиться, удивиться чему-то, – и все это с обязательством быть понятным рядовому читателю страны Советов. Такой «перевод» партийных решений на язык массовой культуры – всегда трудная задача для тех, кто этим занят, и она особенно трудна, если в принимаемых решениях нет полной ясности. У сотрудников журнала не было времени на раздумья – журнал «Крокодил» выходил четыре раза в месяц огромными тиражами как приложение к «Рабочей газете»...

Все то, что *прежде считалось* незыблемыми основами новой экономической политикой, *теперь объявлялось* «правым уклоном» – и перестройка общественного сознания под воздействием агитпропа и журналов требовала широкого внедрения *новой* интерпретации нэпа, – ведь от самого понятия никто не отказывался. Сталин утверждал, что нэп можно понимать по-новому...

На апрельском пленуме ЦК (1929) активно обсуждался тезис Н.И. Бухарина, сказавшего, что «теория» дани Сталина – это «военно-феодалная эксплуатация крестьянства». Даже самые стойкие сторонники Сталина признавали, что слово «дань» не вполне удачное. Тезис о «деградации» выдвинул экономист М.И. Фрумкин, которого сразу (с подачи Сталина) причислили к правому уклону еще в 1928 г. Всякое сближение с тезисом о «деградации» сельского хозяйства при «чрезвычайных мерах» рассматривалось исключительно как факт максимального сближения с «правым уклоном». «Деградация» была тесно связана с вопросом о «смычке» и «размычке» между пролетариатом и крестьянством в условиях отказа от рыночных отношений в угоду «чрезвычайных мер».

Особенность «Крокодила» за весь 1929 г. заключается в том, что едва ли не во всех его номерах заметна тенденция психологически углублять и расширять толкование правого уклона. Найти правого уклониста нужно прежде всего в себе самом! Тринадцатый (апрельский) номер журнала был специально посвящен этой теме. В очерке Никиты Крышкина «Разговор с мужичком» текстуально обнажен психологический момент «узнавания» в себе правого уклониста.

Я кивнул головой:

– Ладно. Правильно. Спасибо тебе, мужичок. Можешь итти.

– Чего ж так? – удивился мужичок. – А я хотел еще насчет мирного вранья кулака в социализм распространиться...

– Не стоит насчет вранья... Достаточно и того, что ты сказал. Вполне достаточно для доказательства, что во мне не правый уклон говорит, а подлинный голос подлинной советской деревни!

Но мужичок покрутил головой и сказал:

– Ой, не поверят!

– Это почему же?

– Да потому, – сказал мой воображаемый собеседник, – что выдуманный я мужичок, а вовсе не подлинный! Ведь всякому ж ясно. Ты с настоящим мужиком поговори, – тогда дело другое!

– Так настоящий-то мужик, может, совсем вразрез с моей линией начнет высказываться? Какой же мне смысл?..

– Ну, это тает... – произнес мужичок. – Смотри, значит, с кем дело

будешь иметь. Потому что, между нами-то говоря, есть мужик – и мужик: середняк, скажем, бедняк опять же, а то и кулак...

– Ну, так что?

Мужичок ухмыльнулся и сказал:

– Так ты с кулаком поговорил. Что ты, то и он, – что он, то и ты: в одну дудку будете петь. Полная смычка у вас получится!

Я поспешил выбросить вредного мужичонку из головы. Я же его выдумал, да он же еще и издеваться надо мной будет?.. Да еще, пожалуй, тоже в правом уклоне меня обвинит?..

Двистительно, тает... Только этого не доставало!¹

Тезис о «мирном вращении кулака в социализм» был ложно приписан Бухарину, но активно применялся в борьбе с ним. Об этом шла речь на апрельском пленуме ЦК в 1929 г. Бухарин говорил, что этот пропагандистский тезис, используемый против него, никогда и нигде не был им озвучен². Он подчеркивал, что состоялся переход от методов политической дискуссии, в которой главную роль играют аргументы спорящих, к огульной критике, усиленной пропагандистским нажимом всей прессы. Или ты за – генеральную линию без обсуждения, или ты – против! Или ты за колхозы – или ты против! Бухарин говорил, что на месте «политики» как *сложной задачи*, которую следует решать интеллектуально (таким был нэп в ленинском понимании) пришло время уничтожения всякой рациональности ради утверждения необсуждаемой правоты «генеральной линии». Бухарин подчеркивал: «Политику нужно строить на правильном расчете, а не на панике перед частником»³.

Сколько раз нужно сказать, что мы за индустриализацию, что мы за взятые темпы, что мы за представленный план? Сколько раз мы об этом заявляли! А лживые обвинения сыпятся как из рога изобилия. Я говорю в качестве члена Политбюро последний раз. Неужели мы все-таки не можем спорить, сражаться иногда, говорить резкости друг другу, но сойтись на том элементарном правиле, чтобы не приписывать друг другу *явного вздора*? ... Сколько раз нужно сказать, что мы за колхозы, что мы **за** совхозы, что мы **за** великую реконструкцию, что

¹Крышкин Н. Разговор с мужичком // Крокодил. 1929. № 13. С. 2.

²Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1928 гг: В 5 т. Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. // Редкол. тома: В.П. Данилов, А.Ю. Ватлин, О.В. Хлевнюк (ответственные редакторы), Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: МФД, 2000. С. 162.

³Там же. С. 176.

мы **за** решительную борьбу против кулака, чтобы перестали на нас возводить поклепы? Не вспомните ли вы, как на XV съезде Молотов критиковал меня справа за лозунг «форсированного наступления на кулака»... Сейчас, кроме всего прочего, требуется не столько крик и нажим, сколько ум и расчет. Сейчас требуется понимание сложности обстановки и сложности хозяйственности. Что нам нужно? Металл *или* хлеб? Вопрос *нелепо* так ставить. А когда я говорю: *и* металл, *и* хлеб, тогда мне заявляют: «это – эклектика», «это – дуализм», нет, ты скажи обязательно, что нужно *или* металл, *или* хлеб, иначе ты увливаешь, иначе это фокусы⁴.

И как бы подытоживая – и даже предвосхищая переход к новой эпохе – Бухарин говорил: «Нас тянут к *примитивным постановкам вопроса*, годным для пионеров, а не для руководителей хозяйственной политики»⁵.

Пропаганда в сатирическом журнале открывает потаенную дверь в психологию человека, который отказывается от рациональности в угоду бездумному подчинению «генеральной линии». Этот поведенческий механизм характерен для детского сознания, если иметь в виду не тех, кто управлял партией, а тех, кто убедил себя слепо следовать ее решениям, нисколько не рассуждая при этом.

Обличение «правого уклона» в журнале «Крокодил» в 1929 г. показывает, насколько сталинский агитпроп был заинтересован в том, чтобы «уклоны» были фактами не только партийной, но и гражданской жизни тоже. Характерно в этом смысле «сообщение» из «архива» журнала под названием «Таракановщина», опубликованное в четвертом (январском) номере «Крокодила». Смысл «правого уклона» здесь настолько широко трактуется, что в пору соединить его со смыслом «моральной», как тогда говорили, устойчивости или неустойчивости...

Таракан благоустроился!

Отказавшись от скромного уюта под диваном, он уже в райком и пишет в «Донецком Хлеборобе». Вот его статейка в № 61 этой газеты:

ПРОТИВ ПРАВОГО УКЛОНА В ПАРТИИ

В противовес попыткам навязать партии правоуклонниками (так! – А. Ю.) ревизию ленинских решений, принятых 15-м съездом ВКП(б), нужно еще больше комсомольским ячейкам сплотиться вокруг партии Ленина.

⁴Там же. С. 166.

⁵Там же.

– Да здравствует единство партии Ленина!

– Да здравствует ленинский ЦК ВКП(б)!

ТАРАКАНОВ

Читают эту статейку донецкие комсомольцы и благоговейно думают: «Да ведь это же не комсомолец, а железная когорта какая-то! Такой Тараканов костыми ляжет за революцию!»⁶.

Однако человек по фамилии Тараканов, формально повторяя нужные слова в поддержку «генеральной линии», не исповедует «моральную» составляющую в личном поведении:

Но вот на полвершка, в этой же газете, находят вторую заметку – «Проинструктировал». Оказывается, Тараканов явился в Колодезянскую ячейку и, «повстречавшись с секретарем ячейки, отправился к одной девушке-батрачке. Секретарь ячейки скоро незаметно вышел, оставив Тараканова вдвоем с девушкой. Петя, потушив молча лампу, стал приставать к комсомолке. Она с ужасом спросила, что ему надо? Но Тараканов не унимался. Пришлось выгонять «районного вождя» в шею». Если таракан запечен в булке – это еще полбеды... Но если Тараканов печется «о единстве ленинской партии» – это уже жутко⁷.

Сталин в феврале 1929 г. ответил писателю В. Биллю-Белоцерковскому письмом, в котором не согласился рассматривать художественную литературу с точки зрения «уклонов»:

Я считаю неправильной самую постановку вопроса о «правых» и «левых» в художественной литературе (а значит и в театре). Понятие «правое» или «левое» в настоящее время в нашей стране есть понятие партийное, собственно – внутрипартийное. «Правые» или «левые» – это люди, отклоняющиеся в ту или иную сторону от чисто партийной линии. Странно было бы поэтому применять эти понятия к такой непартийной и несравненно более широкой области, как художественная литература, театр и пр.⁸

Практика расширенного понимания «правого уклониста» (в жизненно-бытовом плане) не кажется странной сатирическому журналу.

⁶ «Таракановщина» // Крокодил. 1929. № 4. С. 11.

⁷ Там же.

⁸ *Сталин И.В.* Сочинения. М.: Государственное изд-во полит. литературы, 1949. Т. 11: 1928 – март 1929. С. 326.

Например, отдых на море становится мотивом повторяющимся – это своеобразный идеологический маркер нэповского осознания предельных целей существования. В августовском номере «Крокодила» был опубликован немного странный очерк под названием «Целиком и полностью». В купе вагона «Москва – Севастополь» едут двое: «толстый и тонкий». Имен нет – использована чеховская аллюзия, но не вполне понятно – с какой целью: ведь здесь как будто и нет никакого противопоставления.

Тонкий спрашивает толстого: «К морским берегам направляетесь?.. Отдыхать?» Завязывается диалог, из которого следует, что *ситуация в стране* не позволяет отдых на море, а хочется...

– К морским берегам направляетесь?.. Отдыхать?

– Отчасти и отдыхать, – ответил толстый, – но отчасти, собственно говоря, я по делам. А вы? Тоже на отдых?..

Тонкий сердито махнул рукой:

– Ка-акой уж тут отдых!.. В наше-то время? При нашем-то положении? При теперешнем курсе?.. Где уж тут об отдыхе думать!..

– Это-то, положим, верно, – согласился толстый. – Время сейчас не легкое...

И добавил, слегка, усмехаясь:

– Будем надеяться, что лет через пять легче станет. Тогда отдохнем!⁹.

Тонкому и толстому мешают жить грандиозные планы большевиков, а хочется расслабиться. «Отдых» – ассоциативный символ советской буржуазности – откладывается на пять лет. Высмеивается настроение людей (и это настроение безусловно – «правая опасность»!) жить сиюминутными потребностями, а не интересами «ускоренной индустриализации». Пределом мечтаний советского человека эпохи нэпа был отдых на море – без утруждающих обстоятельств новой «генеральной линии». «Тонкий» – нэпман, а «толстый» на вопрос – не партийный ли он – никак не отвечает, но, судя по всему, член партии. Оба они сомневаются в необходимости планов «догнать и перегнать». Не нужно это! Нет у страны ресурсов – и жить надо не фантастикой, а реальностью. Не облагать кулака налогами, а давать ему право больше продавать – раз страна нуждается в хлебе.

– Через пять? Ну, нет: много раньше! – твердо заявил тонкий.

– Вы думаете?.. – насмешливо удивился толстый.

⁹Грамен[Иванов Н.К.]. Целиком и полностью // Крокодил. 1929. № 30. С. 2.

– Полагаю, – сказал тонкий. – Много раньше придется притормозить темпик индустриализации-то!.. И к частному капиталу на поклон придется еще пойти! Будьте спокойны!..

Толстый благодушно улыбнулся и произнес:

– Гм!.. Д-да... Вы, значит, вот с какой точки зрения сроки-то сокращаете!

– А то с какой же? – сказал тонкий. – По-вашему, не так?..

– Собственно говоря, конечно... – согласился толстый. – Наступление на кулака и на частника, быстрый темп индустриализации, «догнать и перегнать», все это – очень громкие дела, а за словами...

– Шиш – за словами! – сердито подхватил тонкий. – Фантазмагория и ничего больше!

Толстый развел руками:

– Ресурсов (так в тексте. – А. Ю.) же нет!.. Я понимаю: облагать кулака, не давать ему расти, если имеются богатые продовольственные ресурсы... Но сейчас, когда мы нуждаемся в зерне, не все ли равно, от кого получить лишнюю сотню тонн: от кулака или от не-кулака? Лишь бы получить!..

– Вот и я говорю, – сказал тонкий. – Опять же, частника взять: ну, если заведомая спекуляция, дутое дело, – тогда, конечно, по боку... Но если предприниматель или торговец вполне лоялен, развил здоровое и крепкое дело, то какой же тут кому вред? Ничего, кроме пользы всему государству!..

Толстый кивнул головой:

– Конечно. То же самое, ведь, и с кулаками... Кулак-ростовщик, конечно, вреден. Но крепкий зажиточный хозяин – это совсем другое дело. Это...

– Ясно, как лимонад, – перебил тонкий. – Меня-то вам нечего убеждать. Мы-то с вами, понятно, так смотрим... Солидарен целиком и полностью!

– Да, нам-то с вами спорить, конечно, не о чем, – согласился толстый. – Но попробуйте поговорить так... ну, при другой обстановке, – и сейчас же вас и в правом уклоне обвинят, и мелкобуржуазную подоплеку пришьют, и всех собак на вас навешают!

– А наплевать, – сказал тонкий. – Нам-то что?

– Ну, как же так наплевать... Во время чистки-то?

– А нам-то что? – повторил тонкий.

– Извиняюсь... Но разве вы не...

– У меня свой обувной магазин, – сказал тонкий. – Чистка меня не касается. А вы, извиняюсь, разве не...

Дальше толстый не расслышал: ему стало жарко, и он высунул голову в раскрытое окно¹⁰.

¹⁰ Там же.

Подобный же очерк о неверии в силу ускоренной индустриализации был опубликован в ноябрьском (№ 41) очерке Б. Самсонова под названием «Правый мужчина».

К строителям подошел гунявый гражданчик и стал полегонечку каркать.

– И к чему это вы надрываете? Все равно ничего не выйдет. Бросьте, чудак! План у вас нежизненный. Ну, разве можно строить, когда даже кирпичей нет? Из воздуха не построишь?

– Просит кирпича, – засмеялись строители. – Не беспокойся, кирпич будет!

Кирпич, действительно, нашелся. Планом была предусмотрена постройка кирпичных заводов.

– Ну, предположим, – злорадствовал оппортунист, – кирпич имеется, но ведь нет сырья?

Оппортунист заторжествовал.

– Сырья-то нет! Ей богу, нет! Лопнул гусар! Я говорил – план нежизненный!

Но, к его удивлению, сырье нашлось. План предусматривал развитие сельского хозяйства на коллективных основах.

Оппортунист заторжествовал:

– Подумаешь – удивили! А план все равно нежизненный. Материальная основа есть, но нужны же люди! Нужны кадры! А кадров-то и нет. Вот вам и план!

Он от поганой радости даже стал приплясывать.

– А кадров нет! А кадров нет! Все зря! Все ни к чему!

Оппортунист смутился. Даже чуть-чуть покраснел, – насколько это было возможно для соглашателя. Но быстро оправился и ехидно спросил:

– А скажите, пожалуйста: на сколько лет вы рассчитывали свой план?

– Известно: план пятилетний.

– Пятилетний, говорите? Так, так. А выполнить его сможете во сколько?

– В четыре года.

– В четыре? – смутился было оппортунист. Но сейчас же заявил победоносно:

– А я что говорил? Говорил, что в пять лет не выполните, – на мое и вышло! Шутка сказать, – на целый год обмишулились! Нежизненный вышел планчик-то! Говорил я вам, – нежизненный, так оно и получилось¹¹.

¹¹ Самсонов Б. Правый мужчина // Крокодил. 1929. № 41. С. 6.

Неверие в любой религии – это грех, неверие же в построение социализма – «оппортунистический грех». К этому выводу сводится очерк Грамена «Никакого уклона», опубликованный в ноябрьском (№ 41) номере журнала. Характерно, что агитационный мотив этого опуса оказался зеркально отображенным: кулак рассуждает *точно так же*, как борец с правым уклоном – только с другим знаком. Однако *в основе* самого знака, наделенного полнотой по-разному понимаемой истины, неизменно пребывает вероотступничество как мотив своеобразного религиозного «оппортунизма».

Иван Парменыч, кулак, передовой представитель своего класса, впал, по слухам, в оппортунизм и примиренчество. До сих пор он был стойким, выдержанным кулаком и не отклонялся от кулацкой линии ни в теории, ни на практике. Бедняков терпеть не мог. Середняков справедливо считал чуждым элементом. Коммунистов ненавидел лютой ненавистью – и в своем кругу говорил:

– Кабы да моя власть... Господи боже мой!.. То-ись, всех бы до единого своими рученьками передавил и на семя бы не оставил.

Но за последнее время во взглядах Ивана Парменыча произошел какой-то сдвиг. Если и нельзя было определенно считать этот сдвиг антикулацким уклоном, то следовало, по меньшей мере, признать его левым загибом. Именно в качестве такового он был истолкован и батюшкой о. Варсонофием. Отец Варсонофий встревожился и пошел увещевать Ивана Парменыча.

– Такие-то дела, такие-то дела... – сказал о. Варсонофий, поздоровавшись и поговорив о погоде. – Толкуют про тебя, Парменыч, будто ты того... неподобное начинаешь проповедывать, между нами будь сказано!

– Что же такое неподобное? – удивился Иван Парменыч.

– Будто того... примиренческое отношение к врагам проявляешь! И даже будто потворство некое проповедуешь по отношению к коммунистам.

– Не ко всем, – спокойно сказал Иван Парменыч. – Но коммунисты, действительно, как бы тебе объяснить, бывают разные. Я, батя, держу курс на здорового коммуниста.

О. Варсонофий укоризненно покачал головой и произнес наставительно:

– В уклон впадаешь, Парменыч! В *оппортунистический грех*. Все коммунисты суть непримиримые наши враги и семя антихристово. Какие-такие могут быть среди них здоровые?

– А правые, например. Оппортунисты, которые... – пояснил Иван Парменыч. – Если они в нашу дудку играют, то почему же нам курса на них не держать?..

О. Варсонофий задумался. Подумав, он спросил:

– Но как же, однако, так? Если коммунисты держат курс на здорового частника и примиряются с иноклассовыми, то сие есть мелкобуржуазный уклон, каковой партией осуждается?..

– Правильные твои слова! – сказал Иван Парменыч.

– Так. Из сего вытекает: если ты удержишь курс на здорового коммуниста и с оным готов примириться, то сие есть пролетарский уклон, какой подлежит нашему решительному осуждению! Анафема!

Иван Парменыч тоже задумался. Но, подумав, ухмыльнулся и ответил:

– Неверие это у тебя, батя!

– Во что?.. – ехидно спросил о. Варсонофий. – Во вращение твое в социализм?.. Трижды анафема!!!

– Нет, батя, – сказал Иван Парменыч, – во вращение правых в капитализм!

И добавил назидательно:

– Политграмоты не знаешь, отец! Не «анафема» тут, а «аллилуя, аллилуя, аллилуя, слава тебе, боже»!¹².

Таким образом, нежелание «правых» признавать возрастающую классовую борьбу в связи с приближением к построению социализма рассматривалось журналом «Крокодил» как важнейший мотив сатирической пропаганды, – надо еще больше говорить не об отдыхе, не о сотрудничестве классов, не о рациональном смысле экономики, а о неизбежности новой гражданской войны.

Литература

Такер 2006 – Такер Р. Сталин: История и личность. М.: Весь мир, 2006. 359 с.

References

Tucker, R. (2006), *Stalin. Istoria i lichnost'* [Stalin. History and personality], Ves' mir, Moscow, Russia.

¹² Грамен[-Иванов Н.К.]. Никакого уклона // Крокодил. 1929. № 41. С. 2.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrei L. Iurganov, Dr. of Sci (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Iurganov@yandex.ru